

УДК 81'373.612.2[111:131.2:161.1]

ЭМПИРИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ И ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

К. А. КОТОВ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы 803 метафорические дескрипции глаз человека в русском, английском и испанском языках. Установлены их общие и национально-специфические черты. Выделены эмпирийные признаки глаз (цвет, размер, форма и др.) и денотативные области (растения, животные, лица, материальные продукты труда и др.), которые выступают в качестве источника эталонов сравнения при метафорическом описании глаз человека. Сформулированы вероятные причины частотных различий эмпирийных признаков глаз, а также определены факторы, влияющие на выбор и частотность денотативных областей.

Ключевые слова: глаза человека; дескрипция; эмпирийный признак; денотативная область; эталон сравнения; национально-культурная специфика; радиальная категоризация.

ЭМПІРЫЙНЫЯ ПРЫКМЕТЫ І ЭТАЛОНЫ ПАРАЎНАННЯ Ў МЕТАФАРЫЧНЫМ АПІСАННІ ВАЧЭЙ ЧАЛАВЕКА (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ, АНГЛІЙСКАЙ І ІСПАНСКАЙ МОЎ)

К. А. КОТАЎ^{1)*}

^{1)*}Мінскі дзяржавны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захараўа, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Аннотацыя. Прааналізаваны 803 метафарычныя дэскрыпцыі вачэй чалавека ў рускай, англійскай і іспанскай мовах. Устаноўлены іх агульныя і нацыянальна-спецыфічныя рысы. Вылучаны эмпірыйныя прыкметы вачэй (колер, памер, форма і інш.) і дэнататыўныя вобласці (расліны, жывёлы, асобы, матэрыяльныя прадукты працы і інш.), якія выступаюць у якасці крыніцы эталонаў параванання пры метафарычным апісанні вачэй чалавека. Сформуляваны верагодныя прычыны частотных адрозненняў эмпірыйных прыкмет вачэй, а таксама вызначаны фактары, якія ўпłyваюць на выбар і частотнасць дэнататыўных абласцей.

Ключавыя слова: очы чалавека; дэскрыпцыя; эмпірыйная прыкмета; дэнататыўная вобласць; эталон параванання; нацыянальна-культурная спецыфіка; радыяльная катэгарызацыя.

Образец цитирования:

Котов КА. Эмпирийные признаки и эталоны сравнения в метафорическом описании глаз человека (на материале русского, английского и испанского языков). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:51–65. EDN: EHELPG

For citation:

Kotov KA. Sensory characteristics and referential standards in the metaphorical description of human eyes (based on Russian, English and Spanish languages). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:51–65. Russian.
EDN: EHELPG

Автор:

Кирилл Алексеевич Котов – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета английского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор З. А. Харитончик.

Author:

Kirill A. Kotov, postgraduate student at the department of theoretical and applied linguistics, faculty of English language.
kirillkotov298857746@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5132-4697>

SENSORY CHARACTERISTICS AND REFERENTIAL STANDARDS IN THE METAPHORICAL DESCRIPTION OF HUMAN EYES (BASED ON RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES)

K. A. KOTOV^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

Abstract. The article analysed 803 metaphorical descriptions of human eyes in Russian, English and Spanish languages. Their common and national specific features are established. Sensory characteristics of eyes (color, size, shape, etc.) as well as denotative domains (plants, animals, people, artifacts, etc.), which serve as sources of referential standards in the metaphorical descriptions of human eyes, are identified. The probable causes for frequency variations of the sensory characteristics of eyes are formulated, and factors, influencing the selection and frequency of denotative domains, are identified.

Keywords: human eyes; description; sensory characteristic; denotative domain; referential standard; national and cultural specificity; radial categorisation.

Введение

Для человека глаза являются особенным органом [1, с. 390]. Они играют значительную роль в восприятии других людей и межличностном общении: «...глаза и их выражения, а также взгляды относятся к важнейшим коммуникативным средствам» [2, с. 378].

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу метафорических дескрипций эмпирийных признаков глаз человека в трех неблизкородственных языках: русском, английском и испанском. Эмпирийные признаки – это признаки, воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления их с эталоном [3, с. 21]. Так, к эмпирийным признакам глаз человека относятся цвет, размер, форма и т. д.: рус. ...он был черен, – не сед; и – обилен; жесточились дико *бобрового цвета глаза* (НКРЯ (Андрей Белый. Москва. Ч. 2. Москва под ударом. 1926)); англ. ...her tiny porcine eyes are almost obliterated by the assault of her round glistening flesh ‘...ее крошечные свиные глазки почти исчезали под натиском одутловатой, лоснящейся плоти’ (СОНА (DeLillo D. Ratner’s star. 1976)); исп. ...razón más que suficiente para que me quedase prendado de sus ojos verdes como el trigo en primavera ‘...этого оказалось достаточно, чтобы я навсегда утонул в ее глазах, зеленых, как весенние колосья пшеницы’ (CNDHE (Ramón H. El secreter del Rey. 1995)).

Актуальность данной работы определяется антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований, с одной стороны, и значительным интересом к метафоре, с другой стороны. Несмотря на наличие публикаций, посвященных метафорическому описанию тела и его элементов, количественно-качественный сопоставительный анализ метафорических дескрипций эмпирийных признаков глаз человека в неблизкородственных языках в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов проводится впервые.

Метафора давно привлекает внимание языковедов. Если с точки зрения классической риторики (начиная с Аристотеля) метафора рассматривается прежде всего как стилистический прием, то с позиций лингвистики (особенно в последние десятилетия) она считается не только фигурой речи, но и одним из ключевых когнитивных механизмов, важным элементом коммуникации, маркером национально-культурных различий. В связи с этим в современном языкоznании сформировалось несколько подходов к изучению метафоры: когнитивный, pragматический, функциональный, лингвокультурологический, филогенетический (эволюционный) и др.

Когнитивный подход возник в 1980-х гг. Он до сих пор представляется одним из ведущих направлений исследования метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон – основоположники когнитивного подхода – показали, что обыденная понятийная система человека по сути своей метафорична: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [4, с. 25]. Иными словами, метафора рассматривается как способ познания и описания мира, определяющий восприятие и действия человека. Представители когнитивного подхода выделяют систему базовых концептуальных метафор, в рамках которой одна концептуальная область (область источника – более

¹Здесь и далее перевод наш. – K. K.

конкретное знание, получаемое человеком при взаимодействии с действительностью) структурирует другую концептуальную область (область цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание) [4, с. 10]. Так, концептуальная метафора *Спор – это война* позволяет описать спор в терминах войны: «Он нападал на каждое слабое место в моей аргументации. <...> Его критические замечания были точно в цель. <...> Я никогда не побеждал его в споре. <...> Если вы используете эту *стратегию*, он вас уничтожит» [4, с. 26]. Таким образом, согласно когнитивному подходу «метафоры позволяют понимать одну область опыта в терминах другой» [4, с. 148].

В основе прагматического подхода лежат аспекты возникновения и функционирования метафоры в процессе коммуникации, рассматриваются контекстуальная интерпретация метафорического выражения, намерения говорящего и воздействие на адресата. Одним из влиятельных направлений в рамках прагматического подхода является теория релевантности (англ. *relevance theory*), разработанная Д. Спербером и Д. Вилсон. С позиции данной теории метафора не требует специальных механизмов для интерпретации. Авторы указали, что понятие метафоры не является теоретически значимым для изучения вербальной коммуникации, поскольку интерпретация метафоры происходит тем же путем, что и интерпретация любого другого высказывания, – путем поиска релевантных смыслов в контексте [5, р. 84]. Иными словами, метафора – частный случай прагматически обусловленного, небуквального употребления языка наряду с переносным значением, гиперболой, иронией и т. д. В данном контексте важными являются импликатуры. Метафора побуждает адресата извлекать из высказывания дополнительные смыслы и ассоциации в контексте, позволяя говорящему косвенно выразить оценку, эмоцию или намерение.

Функциональный подход предполагает изучение метафоры сквозь призму ее роли в структуре языка и речи с учетом того, какие функции она выполняет в разных типах дискурса. Этот подход во многом базируется на идеях системно-функциональной лингвистики М. А. К. Халлидея. В частности, ученый ввел понятие грамматической метафоры, обозначив им случаи, когда та или иная семантическая структура выражается нетипичным для нее грамматическим способом, отличным от наиболее прямого, естественного (конгруэнтного) способа передачи того же значения (например, процесс выражается именем, как при номинализации). В результате возникает дополнительное смысловое измерение: высказывание обладает буквальным и одновременно метафорическим значением, формируя тем самым многоуровневую семантическую структуру и обогащая выразительные возможности языка [6, р. 626, 658]. Таким образом, функционалисты расширили понимание метафоры, считая, что она проявляется не только на уровне лексики, но и на уровне грамматики. Грамматическая метафора характерна для научного и официально-делового стилей речи, в которых номинация сложных процессов нередко происходит с помощью абстрактных существительных. Так, в научном тексте вместо сочетания с глаголом *ученые проанализировали данные* часто употребляется выражение с отглагольным существительным *проведен анализ данных*.

Нельзя не отметить, что язык тесно связан с культурой, поэтому у лингвистов зародился интерес к метафоре как носителю культурных смыслов. Так возник лингвокультурологический подход, основатели которого опираются на положение о том, что метафоры отражают картину мира и ценности того или иного языкового сообщества. В англоязычной традиции это направление представлено, в частности, работами З. Кёвешча и его последователями. Ученый показал, что, хотя многие концептуальные метафоры универсальны (они коренятся в общечеловеческом опыте), их реализация в языке может существенно меняться в зависимости от культуры [7]. В книге [8] З. Кёвеш обосновал идею о культурной вариативности метафор: метафорическая система языка тесно связана с ценностями и опытом культуры, и различия в метафорах могут указывать на различия в мышлении разных народов.

Одним из наиболее современных подходов является филогенетический (эволюционный) подход – изучение метафоры в диахронии. Исследователи, работающие в рамках данного подхода, задаются следующими вопросами: «Когда и почему у вида *homo sapiens* возникла способность к метафорическому мышлению?»; «Какую роль играет метафора в процессе изменения языка с течением времени?». Исследования в области диахронической семантики убедительно показали, что метафора – один из главных механизмов семантической трансформации словарного состава языка [9, р. 145]. Новые значения слов часто возникают в результате метафорического переноса. Так, слова, обозначающие части тела, элементы одежды и другие предметы или объекты, приобретают переносное значение на основе сходства или аналогии (*ноjska стула, рукав реки* и т. д.). Эта закономерность, давно отмеченная лингвистами, в наше время подтверждается на больших массивах данных. Методы компьютерной лингвистики позволяют отследить пути развития метафорических значений слов на материале корпусов текстов [9, р. 145–146] и выявить, как метафоры порождают полисемию. М. Плеер и его коллеги отметили, что метафорическая обусловленность семантических сдвигов выступает универсальным свойством языковой эволюции.

По их мнению, метафора является важнейшим механизмом семантического изменения [9, р. 145]. За счет метафорического расширения язык постоянно обогащается новыми смыслами, что позволяет ему оставаться гибкой и открытой системой.

Таким образом, на современном этапе развития науки о языке метафора понимается как сложное, многоуровневое явление, лежащее на пересечении языка, мышления и культуры.

Вслед за когнитивистами [10, р. 49; 11, р. 5–6; 12, р. 9] мы рассматриваем метафору как один из важнейших механизмов человеческого мышления. Вопреки тому что метафора как когнитивный механизм универсальна, культурный компонент в ее составе отражает особенности коллективного опыта, устоев, традиций, системы ценностей носителей разных языков. Еще Э. Сепир писал: «...словарь, со-держательная сторона языка, всегда выступает в виде набора символов, отражающих культурный фон данного общества» [13, с. 276]. По этой причине опора на те или иные эталоны при метафорическом описании глаз человека может демонстрировать не только универсальные тенденции, но и национально-специфические черты (например, через отсылки к эндемичным (свойственным определенной местности) или культурно значимым видам растений и животных, особенностям ландшафта и климата, важным для определенного сообщества артефактам, продуктам питания, культурным явлениям и т. д.). Таким образом, цель настоящего исследования заключается в установлении общих и национально-специфических черт семантики метафорических дескрипций эмпирийных признаков глаз человека в русском, английском и испанском языках.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования выступают устойчивые и свободные атрибутивные словосочетания, предикативные и полупредикативные сочетания, сравнительные обороты. Материал получен путем сплошной выборки из корпуса русского языка (НКРЯ, в частности корпуса параллельных текстов), а также из корпусов английского языка (BNC, COHA, COCA) и испанского языка (CdE, CNDHE, CORPES XXI). Примеры отбирались из художественных и публицистических контекстов, датируемых XIX – началом XXI в. Для большей репрезентативности исследования учитывались британский и американский варианты английского языка, а также кастильский, аргентинский и мексиканский варианты как наиболее крупные и значимые региональные варианты испанского языка.

Объем полученной выборки составил 803 дескрипции (247, 364 и 192 дескрипции в русском, английском и испанском языках соответственно). Учитывалось наличие в дескрипции ключевого компонента (рус. *глаза*, англ. *eyes*, исп. *ojos*) и метафорического указания на эталон сравнения. Были отобраны такие дескрипции, в которых указание на основание для сравнения выступает в качестве однородного члена словосочетания, находится в составе сравнительной конструкции или является компонентом значения отсубстантивного прилагательного в атрибутивных словосочетаниях, предикативных и полупредикативных сочетаниях.

Материал исследования анализировался с применением статистических методов, метода дистрибутивного анализа, компонентного анализа, сопоставительного метода. Статистические методы использовались на начальном этапе обработки корпусных данных: метафорические дескрипции глаз человека заносились в электронную таблицу с соответствующими пометами (язык, год публикации, жанр публикации, тип эмпирийного признака, денотативная отнесенность эталона сравнения). Затем вычислялась абсолютная и относительная частотность эмпирийных признаков в метафорических дескрипциях глаз человека, а также частотность денотативных областей и подобластей, которые выступают в качестве источника эталонов. Дистрибутивный анализ проводился через построение конкордансов по лемме со значением органа зрения (рус. *глаз*, англ. *eye*, исп. *ojo*) с окном в пять слов. С его помощью определялся типичный лексико-грамматический контекст с данной леммой в исследуемых языках. Компонентный анализ использовался для выявления и систематизации семантических признаков, лежащих в основе значений эталонов сравнения. Сопоставительный метод обеспечил финальную интеграцию материала: сопоставлялись частотность эмпирийных признаков в трех языках, частотность денотативных областей в трех языках. Кроме того, сравнивались сами метафорические дескрипции глаз в рамках исследуемых языков, что позволило установить универсальные и национально-специфические черты их семантики.

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа и классификации материала было определено, что в исследуемых языках при метафорическом описании глаз человека актуализируются идентичные эмпирийные признаки: цвет, характер поверхности, размер, характер движения, форма, степень прозрачности. Исключением является такой признак, как положение на лице: он отсутствует в английском языке. В табл. 1 приведены данные о частотности указанных выше эмпирийных признаков в исследуемых языках (в абсолютных и относительных числах).

Таблица 1

Частотность эмпирийных признаков в метафорических дескрипциях глаз человека
в русском, английском и испанском языках

Table 1

Frequency of sensory characteristics in metaphorical descriptions of human eyes
in Russian, English and Spanish languages

Эмпирийный признак	Русский язык		Английский язык		Испанский язык	
	Количество дескрипций	Доля в общем количестве дескрипций, %	Количество дескрипций	Доля в общем количестве дескрипций, %	Количество дескрипций	Доля в общем количестве дескрипций, %
Цвет	177	71,66	275	75,55	111	57,81
Характер поверхности	28	11,34	21	5,77	38	19,79
Размер	12	4,86	39	10,71	29	15,11
Характер движения	13	5,26	8	2,20	4	2,08
Форма	10	4,05	14	3,85	3	1,56
Степень прозрачности	6	2,43	7	1,92	6	3,13
Положение на лице	1	0,40	—	—	1	0,52
<i>Всего</i>	<i>247</i>	<i>100</i>	<i>364</i>	<i>100</i>	<i>192</i>	<i>100</i>

Наиболее высокую частотность демонстрирует эмпирийный признак цвета. Его преобладание над другими особенно заметно в русском и английском материале. В испанском языке цвет глаз человека также занимает доминирующее положение среди других эмпирийных признаков, но доля таких дескрипций в названном языке меньше, чем доля описаний цвета глаз в других языках. Цвет чаще встречается в метафорических дескрипциях глаз во всех трех языках, поскольку этот признак является одной из наиболее заметных и легко идентифицируемых характеристик, что делает его важным в процессе визуального восприятия другого человека. Более того, как отмечает Л. В. Лаенко, «...из всех зрительных ощущений именно цветовые ощущения – прототипические, они первыми вербализовались в языке. Все остальные типы зрительных ощущений предполагают уже мыслительные операции...»². Иными словами, признак цвета легче других эмпирийных признаков воспринимается и осмысливается человеком, эти процессы, требуют меньше когнитивных усилий.

Не только частотность метафорических дескрипций цвета глаз, но и широкое разнообразие существующих в исследуемых языках цветовых эталонов свидетельствует о том, что носители данных языков нередко испытывают потребность в более детальном описании цвета глаз, чем позволяют конвенциональные, закрепленные в словаре языковые средства. Данная ситуация ведет к возникновению разнообразных метафор, которые отсылают к эталонам, имеющим заметную и важную характеристику – особый цвет или оттенок: рус. *Посидел, поговорил о войне и хуторских новостях, пошуркал на Дарью зеленые, камышевые глаза...* (НКРЯ (Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 2. 1928–1940)); англ. *Mrs. MacGlowrie was a fair-faced woman with eyes the color of pale sherry* ‘У миссис Мак-Глоури было светлое лицо и глаза цвета светлого хереса’ (СОНА (Merwin H. C. Bret Harte’s heroines. 1908)); исп. *¡Y aquellos ojos, oh, aquellos ojos negros como dos golondrinas de la pasión!* ‘И те глаза, о, те глаза, черные, словно две ласточки страсти!’ (CdE (Lugones L. Lunario sentimental. 1909)). В некоторых случаях эталон не столько уточняет сам цвет или его оттенок, сколько способствует передаче эмоционального отношения автора к описываемому лицу: рус. *Денисов играл свою роль совершенно искренне. Его серые, как слизни, глаза были мокры. Униженно и скорбно он молит своего следователя*: ‘Вы ко мне по-человечески. Окружили’ (НКРЯ (Кожевников В. М. Щит и меч. Кн. 1. 1968)); англ. *Vera stood an even six feet tall and in her real estate clothes looked like a Detroit parole officer – hair back in a tight black bun, eyes the color of frozen slag, and her thin lips the color of an aluminized rose* ‘Вера была шести футов ростом, и в своем деловом костюме она походила на детройтского офицера по условно-досрочному освобождению: волосы стянуты в тугой черный пучок, глаза цвета застывшего шлака, а тонкие губы словно окрашены в оттенок алюминиевой розы’ (СОНА (Wightman W. The attack of the ignoroids. 1999)).

Вариативность описаний цвета глаз в испанской лингвокультуре оказалась ниже, вероятно, в силу преобладания темных оттенков радужной оболочки глаз у людей, проживающих на территории Южной Европы и Латинской Америки, что отразилось на относительном количестве дескрипций с данным признаком по сравнению с их количеством в других анализируемых языках: *ojos negros como moras* ‘глаза черные,

²Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Воронеж, 2005. С. 31.

как ежевика’; *ojos del color de la obsidiana* ‘глаза цвета обсидиана’; *ojos eran como dos pozos negros* ‘глаза были как два черных колодца’; *ojos de color de betún muy oscuro* ‘глаза цвета очень темного битума’; *ojos negros como las hopas de condenados* ‘глаза черные, как одеяния осужденных’; *ojos negros como la noche* ‘глаза черные, как ночь’; *ojos de frijolillos negros* ‘глаза цвета черной фасоли’; *ojos enormes del color de un estanque oscuro* ‘гигантские глаза цвета темного пруда’ и т. д. Тем не менее, как было отмечено выше, корпус испаноязычных дескрипций глаз человека демонстрирует, что цвет является самым частотным эмпирийным признаком. Вместе с тем наблюдается более равномерное распределение внимания носителей языка в рамках всего спектра эмпирийных признаков. В связи с этим можно предположить, что в испанской лингвокультуре другие признаки глаз могут быть ассоциативно более нагруженными и играть сравнительно большую роль в восприятии человека, чем в русской и английской лингвокультурах.

Дескрипции характера поверхности (блеска, тусклости, влажности) глаз занимают второе место по частотности в русском и испанском языках, однако в английском языке частотность описаний данного признака значительно ниже. Этот признак может коррелировать с текущим внутренним состоянием человека или состоянием его здоровья, при этом наиболее распространенным аспектом характера поверхности является ее сверкание – динамический и часто кратковременный в своем проявлении признак: рус. *Карабаш чудовищно исхудал за последние сутки: щеки впали, глаза блестят, как у больного* (НКРЯ (Трифонов Ю. В. Утоление жажды. 1959–1962)); англ. *Let us look at him as he stands facing us on his native plains, his red eyes glowing like coals of fire from amid the mass of dark brown or black hair* ‘Давайте взглянем на него, как он стоит перед нами на родных просторах, из-под густой темно-каштановой или черной шевелюры **пылают его красные глаза, словно раскаленные угли**’ (СОНА (Kingston W. H. G. The Western world picturesque sketches of nature and natural history in North and South America. 1874)); исп. *Celestiales facciones. / Pero nube de espanto / Tiñó de palidez sus formas bellas, / Y sus ojos, luciendo como estrellas, / Muestran reciente el llanto* ‘Небесные черты. / Но тень ужаса / Окрасила их в бледный тон, / И в ее глазах, сверкающих, как звезды, / Виден свежий след слез’ (CNDHE (Pastor Nicomedes Díaz. Poesías. 1828–1849)).

Размер глаз, напротив, проявляется как более важный признак для носителей английского и испанского языков, чем для представителей русской лингвокультуры. Такое положение может указывать на специфику культурных ассоциаций, связанных с большими или маленькими глазами, которые во многих случаях соотносятся с личностными характеристиками человека (открытостью, наивностью либо хитростью, пронырливостью, жадностью и др.): англ. *Isaac wheeled suddenly and drew himself up. His little mouse eyes were snapping, and his face fiery red* ‘Исаак внезапно развернулся и выпрямился. Его **маленькие мышиные глазки** искрились, а лицо **пылало огненно-красным**’ (СОНА (Smith F. H. Peter: a novel of which he is not the hero. 1908)).

Характер движения глаз в русских дескрипциях актуализируется несколько чаще, чем в английских и испанских описаниях. Движение глаз может быть связано с такими аспектами общения, как проявление внимания и интереса, выражение страха, стыда, лжи и т. д.: рус. «Давай мириться?» – «Давай», – отвечает Акимка, а у **самого глаза, как у базарного жулика, бегают** (НКРЯ (Артем Веселый. Россия, кровью умытая. 1924–1932)); англ. *Silvio nodded nervously, his eyes darting like black ants from her to Nicolo* ‘Сильвио нервно кивнул, его **глаза метались, как черные муравьи**, от нее к Николо’ (BNC (Marton S. Roman spring. 1985–1994)); исп. *¿Quién es aquella mujer que no se aparta de noche ni de día de las bombas, que mide con su corazón el agua que ha salido y la que falta, cuyos ojos inmóviles como los de un cadáver, clavados en la tierra* ‘Кто эта женщина, что ни днем, ни ночью не отходит от насосов, что сердцем своим отмеряет, сколько воды ушло и сколько еще предстоит, чьи **глаза, неподвижные, как у мертвеца, впелись в землю?**’ (CdE (Concepción A. Artículos sobre beneficencia y prisiones. Vol. 4. 1856)).

Форма глаз описывается реже, чем цвет, характер поверхности, размер или характер движения. Данный признак имеет наименьшую частотность в испанском языке и более высокую распространенность в русском и английском языках. Форма глаз не характеризуется значительным разнообразием вариантов и поэтому не рассматривается носителями как выразительный признак, требующий развернутых метафорических описаний. Тем не менее иногда форма глаз становится важным признаком для характеристики человека (например, она может указывать на его этническую принадлежность): рус. *Казалось, ее кости полые, как у птицы. Длинные светлые северные глаза. Она мне подарила икону Сергия Радонежского, исписав сзади своим въедливым почерком* (НКРЯ (Сергей А. Шаргунов. Ура! 2003)); англ. *Her face is pretty, however – arrowing cheeks and feather-shaped eyes the signature of Mayan ancestors on her mother's side* ‘Ее лицо красивое, но с худыми щеками и **глазами, по форме напоминающими перья**, – наследие Майя по линии матери’ (СОНА (Melnyczuk A. Recovering virgins. 2014)). Следует отметить, что описание круглой формы глаз превалирует в русском языке (глаза круглые, как у младенца, с которым играет молодой отец; круглые, как пятаки, глаза; круглые, как монеты, глаза) и испанском языке (*ojos redondos como cebollas* ‘глаза круглые, словно луковицы’; *ojos redondos como monedas* ‘глаза круглые, как монеты’; *ojos redondos como discos de 33 revoluciones* ‘глаза круглые, как пластинки на 33 оборота в минуту’), а вытянутой

формы глаз – в английском языке (*fish-shaped eyes* ‘глаза в форме рыб’; *feather-shaped eyes* ‘глаза в форме перьев’; *drop-shaped eyes* ‘глаза в форме капель’). Кроме того, выявлены английские дескрипции изогнутой формы глаз (*eyes curved like a bow* ‘глаза изогнутые, как лук’; *comma-shaped eyes* ‘глаза в форме запятых’).

В исследуемых языках степень прозрачности глаз является периферийным признаком. Тем не менее в испанском корпусе он встречается несколько чаще, чем в русском и английском корпусах: рус. *Голова у него была взъерошена и глаза мутные, как вода в придорожной луже* (НКРЯ (Семенов С. Т. Из жизни Макарки. 1908)); англ. *He pointed at his cloudy eyes. «I can't fix clocks anymore. I can hardly even see the bird you're talking about, sister»* ‘Он указал на свои затуманенные глаза: «Я больше не могу починить часы. Я едва вижу ту птицу, о которой ты говоришь, сестра»’ (СОНА (Adler R. Speedboat. 1976)); исп. *Pequeño de estatura, raquítico de compleción. Todo un insignificante si no llevara la muerte en los ojos, cenagosos como el fondo de un remanso* ‘Невысокий ростом, с худощавым телом. Совершенно ничтожный, если бы не носил смерть в глазах, мутных, как дно тихого омута’ (CdE (Bonafoix L. Gotas de sangre. 1886)). Степень прозрачности глаз может восприниматься как индикатор эмоционального состояния, состояния здоровья или духовной чистоты героя: рус. *Лицо подергивала судорога, глаза помутнели, как у пьяного* (НКРЯ (Вольнов И. Е. Повесть о днях моей жизни. 1912)); англ. *My mother was rosy then, her green eyes as pure as a soybean field in May* ‘Тогда у моей матери был румянец, ее зеленые глаза были чисты, как майское соевое поле’ (СОНА (Yoder K. Ocean bound. 2018)).

Метафорическое описание положения глаз на лице встречается редко, о чем свидетельствуют низкие показатели частотности таких дескрипций в испанском и русском языках и их отсутствие в английском языке. Эта ситуация может указывать на то, что варианты положения глаз на лице не отличаются разнообразием и что для их описания в исследуемых языках существует исчерпывающий набор конвенциональных средств. Следовательно, данный признак не рассматривается в качестве важного ассоциативного или идентифицирующего признака: рус. *Были замасленные и обветренные машинисты уссурийских паровозов, с черными, глубоко запавшими глазами, похожими на дыры, прожженные углем* (НКРЯ (Фадеев А. А. Рождение Амгуньского полка. 1923)); исп. *Está vieja, con la mandíbula dura, los ojos hundidos como guijarros en el barro* ‘Она стара, с тяжелой челюстью и глазами, вдавленными, как галька в грязь’ (CORPES XXI (Fernanda G. L. Nación vacuna. 2020)).

По нашему мнению, различия в частотности эмпирийных признаков в описаниях глаз человека определяются физиологическим, перцептивным и аффективно-соматическим факторами. Действие физиологического фактора проявляется в том, что в культурах, в которых преобладают темные оттенки глаз (например, в испанской лингвокультуре), цвет глаз менее вариативен и в связи с этим менее эмоционально и культурно на-гружен. По этим причинам частотность описаний данного признака не так высока, как в других исследуемых языках. В русской и английской лингвокультурах, у представителей которых цвет глаз более разнообразен, он может привлекать большее внимание наблюдателя, становясь важным средством идентификации и выражения индивидуальности человека. Перцептивный фактор определяет приоритетность более заметных и легко дифференцируемых признаков, которые раньше других фиксируются в процессе восприятия и, следовательно, чаще актуализируются в языке (например, признак цвета). Влияние аффективно-соматического фактора на частотность актуализации того или иного эмпирийного признака состоит в том, что некоторые признаки глаз могут ассоциироваться с эмоциональным состоянием, состоянием здоровья или внутренними качествами и характеристиками человека. Иными словами, данные эмпирийные признаки находят выражение в языке не потому, что они значимы сами по себе, а потому, что они могут передавать названные характеристики. Так, блеск глаз часто интерпретируется как индикатор интереса, ярости или болезни; движение глаз может ассоциироваться с вниманием, заинтересованностью, обманом, чувством стыда и т. д.

Проанализировав эмпирийные признаки, мы перейдем к рассмотрению денотативных областей, к которым обращаются носители русского, английского и испанского языков при метафорическом описании глаз человека. Всего было выделено девять денотативных областей, восемь из которых присутствуют во всех исследуемых языках. Денотативные области имеют следующие наименования: «Космос. Земля. Природные образования», «Растения и другие растительные организмы», «Животные», «Лица», «Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности», «Материальные продукты труда», «Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, непостоянной функции или употреблению», «Формы и сущностные характеристики явлений действительности» и «Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства». Они взяты из издания «Русский семантический словарь»³. Важно отметить, что согласно данному словарю большинство денотативных областей делятся на подобласти. В табл. 2 содержатся данные о частотном распределении выявленных денотативных областей в анализируемых языках (в абсолютных и относительных числах).

³Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизир. по кл. слов и значений : в 6 т. / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998–. Т. 1 : Слова указывающие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). 807 с. Т. 2 : Имена существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. 762 с. Т. 3 : Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. 720 с.

Таблица 2

Частотность денотативных областей, которые служат источником эталонов сравнения в метафорических дескрипциях глаз человека, в русском, английском и испанском языках

Table 2

Frequency of denotative domains, serving as sources of referential standards of comparison in the metaphorical descriptions of human eyes, in Russian, English and Spanish languages

Денотативная область	Русский язык		Английский язык		Испанский язык	
	Количество дескрипций	Доля в общем количестве дескрипций, %	Количество дескрипций	Доля в общем количестве дескрипций, %	Количество дескрипций	Доля в общем количестве дескрипций, %
Космос. Земля. Природные образования	79	31,99	121	33,24	63	32,81
Растения и другие растительные организмы	58	23,48	81	22,25	36	18,75
Животные	28	11,34	45	12,36	13	6,77
Лица	10	4,05	7	1,93	3	1,56
Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности	3	1,22	6	1,65	8	4,17
Материальные продукты труда	66	26,72	91	25,0	60	31,25
Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, непостоянной функции или употреблению	1	0,40	—	—	—	—
Формы и сущностные характеристики явлений действительности	1	0,40	11	3,02	5	2,61
Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства	1	0,40	2	0,55	4	2,08
<i>Всего</i>	<i>247</i>	<i>100</i>	<i>364</i>	<i>100</i>	<i>192</i>	<i>100</i>

Наиболее востребованными в качестве эталонов сравнения оказываются природные феномены, представленные в денотативных областях «Космос. Земля. Природные образования», «Растения и другие растительные организмы», «Животные», «Лица» и «Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности»: рус. *И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны...* (НКРЯ (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. 1839–1841)); англ. «*He's got a face to remember, – Mattie said earnestly. – A proud, learned face. He's got eyes the color of sandstones*» ‘«У него лицо, которое невозможно забыть, – сказала Мэтти с убежденностью. – Горделивое, мудрое лицо. А глаза цвета песчаника»’ (СОНА (West J. Friendly persuasion West. 1945)); исп. *A vosotras, madres de las muchachas anémicas, va esta historia, la historia de Berta, la niña de los ojos color de aceituna, fresca como una rama de durazno en flor* ‘Вам, материам бледных девушек, посвящается эта история – история Берты, девочки с глазами цвета олив, свежей, как цветущая персиковая ветвь’ (CdE (Darío R. Cuentos. Selección. 1892)). На наш взгляд, высокая частотность данных эталонов в дескрипциях глаз объясняется сочетанием нескольких факторов. Во-первых, природные феномены легко узнаются, обладают ярко выраженными и стабильными эмпирическими признаками (цвет, характер поверхности, размер, форма и т. д.), которые без труда можно экстраполировать на глаза человека при их метафорическом описании. Как показала И. Н. Ивашкевич, такие признаки часто закреплены в структуре лексического значения наименований эталонов [14]. Во-вторых, многие природные феномены укоренены в различных культурных традициях, выступая элементами мифологии, искусства и религии. В-третьих, они часто вызывают у носителей языка эмоциональный отклик благодаря своей эстетической привлекательности, что облегчает использование подобных эталонов в художественной литературе и повседневном общении.

При описании глаз носители исследуемых языков реже обращаются к феноменам, созданным руками человека, чем к природным феноменам в совокупности: рус. *Лиши служители недоуменно взирают на него*

круглыми, как пятаки, глазами (НКРЯ (Самсонов С. А. Аномалия Камлаева. 2006–2007)); англ. «*Half for you and half for me?*» – asked Philo Gubb, his eyes as big as poker chips ‘«Половина тебе, половина мне?»» – спросил Фило Габб, его глаза стали большими, как покерные фишки’ (СОНА (Butler E. P. Philo Gubb, correspondence-school detective. 1918)); исп. *Ojos abiertos como platos. El estupor y el miedo se agolpan entre los dientes* ‘Глаза распахнутые, словно блюда. Изумление и страх застыли между стиснутыми зубами’ (CdE (Helio V. Angola y otros cuentos. 1984)). Их более низкая частотность может объясняться тем, что феномены материальной культуры в основном соотносятся с их функциями и той пользой, которую они могут принести, что снижает их ассоциативный потенциал. Важно также учитывать и культурный аспект восприятия. По сравнению с природными феноменами многие материальные предметы (машины, станки, механизмы, приборы, строительные материалы, составы, смеси и т. д.) появились сравнительно недавно, поэтому они не обладают той же степенью культурной значимости. Кроме того, предметы материальной культуры не всегда характеризуются яркими, стабильными, доступными зрителю восприятию эмпирийными признаками, которые могли бы лежать в основу метафорического переноса при описании глаз (например, предметы и явления из подобластей «Пути, дороги, дорожные сооружения», «Музыкальные инструменты» и т. д.).

В исследуемых языках наименьшей частотностью отличаются денотативные области «Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, непостоянной функции или употреблению», «Формы и сущностные характеристики явлений действительности» и «Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства»: рус. *Семенов выкатывал прямо ему в лицо огромные, как страдание, глаза и силился что-то сказать* (НКРЯ (Арцыбашев М. П. Смерть Ланде. 1904)); англ. *They were a couple of greasy, copper-hued little rascals, with eyes as black as midnight, and long, wiry hair, like that of a horse's mane* ‘Они были парочкой чумазых меднокожих проказников с глазами черными, как полночь, и длинными, жесткими, словно конская грива, волосами’ (СОНА (Ellis E. S. Oonomoo the Huron. 1862)); исп. *Sus ojos son grandes como mis penas, y negros como mis pesares* ‘Ее глаза велики, как мои страдания, и черные, как мои сожаления’ (CdE (Estébanez Calderón S. Escenas andaluzas. 1833)). Низкая частотность обращений к абстрактным понятиям отражает важные особенности человеческого мышления, которое в основном опирается на конкретные, хорошо знакомые и наглядные образы. Духовные и абстрактные концепции, в частности мораль, сознание и чувства, сложны для визуализации. Их метафорическое использование требует большего когнитивного усилия, что делает их менее предпочтительными при описании конкретных физических объектов, таких как глаза. Тем не менее при написании произведения авторы часто пытаются достичь максимальной точности, выразительности и глубины, поэтому они прибегают к метафорам, связывающим глаза с абстрактными понятиями: англ. *A pale face with the lightest scattering of freckles on her nose and cheeks. Pale blue eyes the color of dreams* ‘Бледное лицо с небольшими веснушками на носу и щеках. Бледно-голубые глаза цвета мечты’ (СОНА (Rickert M. The girl who ate butterflies. 1999)); исп. *...mujeres de ojos enormes como gritos de pavor, con los senos flácidos del hambre...* ‘...женщины с глазами огромными, словно крики ужаса, с обвисшей от голода грудью...’ (CNDHE (Caso Á. El peso de las sombras. 1994)). Однако такие примеры на фоне большого массива полученных данных являются скорее исключениями, что подчеркивает общую тенденцию человеческого мышления к избеганию ассоциаций с абстрактными феноменами.

Не только анализ частотности денотативных областей, но и рассмотрение отдельных метафорических дескрипций глаз человека демонстрирует ряд закономерностей в выборе эталонов сравнения. Как было показано выше, наиболее частотны описания цвета глаз. Во всех исследуемых языках источники цветовых эталонов черпаются из широкого спектра денотативных областей и подобластей, среди которых наиболее продуктивными являются подобласти «Части растений», «Металлы и металлические сплавы», «Земля, ее рельеф, природные явления», «Горные породы, ископаемые, камни» и «Продукты питания и внутреннего потребления».

В описаниях цвета через растительные эталоны особенно часто встречаются отсылки к плодам, цветам, орехам и травам: рус. *черешиевые глаза; глаза цвета мокрой смородины; глаза похожи на пару распустившихся, умытых росой черных тюльпанов; васильковые глаза; глаза цвета лесных орешек; глаза цвета пожухлой травы*; англ. *peach-colored eyes* ‘глаза цвета персика’; *sloe eyes* ‘глаза цвета терновой ягоды’; *eyes as blue as cornflowers* ‘глаза синие, словно васильки’; *violet-coloured eyes* ‘глаза цвета фиалки’; *eyes as bright as blueberries* ‘глаза яркие, будто черника’; *filbert eyes* ‘глаза цвета лесного ореха’; исп. *ojos de endrina* ‘глаза будто терновые ягоды’; *ojos de color fresa* ‘глаза цвета клубники’; *ojos color de nuez* ‘глаза цвета грецкого ореха’. Данная тенденция обусловлена тем, что носителям языка легко соотносить разнообразие оттенков глаз со множеством естественных цветовых вариаций растительного мира, поскольку цвет часто является наиболее заметным и стабильным признаком. Металлы, горные породы, ископаемые, камни и иные явления неживой природы также являются богатым источником эталонов сравнения для описания различных оттенков глаз: рус. *свинцовые глаза; ртутные*

глаза; серые, как сталь, глаза; глаза цвета сапфира; антрацитовые глаза; англ. *silver eyes* ‘серебряные глаза’; *cobalt eyes* ‘кобальтовые глаза’; *nickel-colored eyes* ‘глаза цвета никеля’; *copper-colored eyes* ‘глаза цвета меди’; *eyes as dark as obsidian* ‘глаза темные, как обсидиан’; *eyes the color of sandstones* ‘глаза цвета песчаника’; *eyes the color of a topaz* ‘глаза цвета топаза’; исп. *ojos de plata* ‘серебряные глаза’; *ojos color plomo* ‘свинцовые глаза’; *ojos del color de la obsidiana* ‘глаза цвета обсидиана’; *ojos del color de jade* ‘глаза цвета нефрита’. Упоминания природных явлений часто подчеркивают глубину или чистоту цвета: рус. *глаза цвета июльского неба*; англ. *eyes as coldly blue as the reflection of sunlight on a glacier* ‘глаза холодного синего цвета, как отраженный от ледника свет’; исп. *ojos azules como el firmamento* ‘глаза синие, как небосвод’. Носители всех трех языков активно сопоставляют цвет глаз с небом, облаками, водным пространством, льдом.

Характер поверхности подчеркивается такими эталонами, как блестящие минералы, отражающие свет предметы или источники света: рус. *глаза мерицали, как бриллианты*; *блестящие, как слюда, глаза*; *глаза блестящие, как крышка пианино*; *глаза светятся, как лампочки*; англ. *eyes glowing like golden fire in the dark* ‘глаза, мерцающие золотым пламенем во тьме’; *eyes shone like candles* ‘глаза светились, словно свечи’; *eyes shone like lanterns* ‘глаза светились, как фонари’; исп. *ojos la brillan como dos crisoprasos* ‘глаза сверкают, будто два хризопраза’; *ojos brillantes como brasas* ‘глаза, мерцающие, словно раскаленные угли’; *ojos brillando como sopletes* ‘глаза, вспыхивающие, словно пламя горелки’. Также частотны обращения к глазам животных из семейства кошачьих из-за их характерного свечения в темноте: рус. *глаза сверкали, как у льва*; англ. *eyes glowed like a panther's in the dark* ‘глаза светились в темноте, как у пантеры’; исп. *ojos alumbrados como los de un gato en la oscuridad* ‘глаза светились в темноте, как у кошки’.

В исследуемых языках при описании размера глаз человека эталоном сравнения выступают животные, размер глаз которых является их отличительной чертой (рус. *огромные стрекозинные глаза*; *крошечные свиные глазки*; англ. *eyes as big as the owl's* ‘глаза большие, как у совы’; *tiny pig eyes* ‘крошечные свиные глаза’; исп. *abría los ojos como un pájaro nocturno* ‘открывал глаза, как ночная птица’; *abrián sus ojos como buhos incrédulos* ‘открывали глаза, словно изумленные совы’), а также предметы материальной культуры, особенно посуда (рус. *глаза-блюдца*; англ. *eyes as big as saucers* ‘глаза большие, как блюдца’; *eyes as big as teacups* ‘глаза большие, как чайные чашки’; *eyes as big as soup plates* ‘глаза большие, как суповые тарелки’; *eyes as wide as saucers* ‘глаза распахнутые, как блюдца’; *eyes as wide as salad plates* ‘глаза широко раскрыты, как салатные тарелки’; *eyes as large as dinner plates* ‘глаза большие, как обеденные тарелки’; исп. *ojos abiertos como platos* ‘глаза распахнутые, словно блюдца’; *ojos tan grandes como copas* ‘глаза большие, как чашки’; *ojos como dos cuencos* ‘глаза как две миски’; *sus ojos como los platos del postre* ‘его глаза как тарелки для десерта’). Эти эталоны не только дают представление о величине глаз, но и могут визуализировать эмоциональную реакцию или физическое состояние описываемого лица (например, удивление, страх, восхищение). Описание размера глаз человека через сравнение с глазами животных выявляет дополнительное свойство размера как физического параметра – его относительность. Так, глаза слона, в сравнении с глазами человека, могут казаться большими, однако относительно головы и тела слона его глаза являются небольшими: рус. *От гнева у него даже загорелись уши, и маленькие слоновьи глазки утратили все добродушие* (НКРЯ (Устинова Т. В. Подруга особого назначения. 2003)); англ. *...and his small elephant eyes drowsily rolling from one of his companions to the other* ‘а его маленькие слоновьи глаза сонно перекатывались с одного из его спутников на другого’ (СОНА (Motley Lothrop J. Merry-mount: a romance of the Massachusetts colony. Vol. 1. 1849)). В этой связи важно упомянуть мысль Е. В. Рахилиной о том, что «оценка величины предмета, как известно, не абсолютна... она ориентируется на норму, индивидуальную для каждого предмета» [15, с. 129].

Движение глаз чаще всего описывается через уподобление движению животных (тараканов, белок, муравьев, жуков, хорьков и т. д.). Такие примеры встречаются в русском (*быстрые, как тараканы, глаза*; *глаза прыгают, как белки в горящем лесу*), английском (*eyes darting like black ants* ‘глаза суетливо сновали, как черные муравьи’; *eyes twitched like small frightened animals* ‘глаза подергивались, словно маленькие напуганные зверьки’) и испанском (*ojos vivos como insectos* ‘глаза живые, словно насекомые’) корпусах.

При описании формы глаз носители рассматриваемых языков используют образы плодов: рус. *глаза круглые, как головки подсолнухов*; англ. *eyes bulging like great white grapes* ‘глаза выпученные, словно крупные белые виноградины’; исп. *ojos redondos como cebollas* ‘глаза круглые, словно луковицы’. Кроме того, эталонами сравнения выступают предметы материальной культуры, в частности монеты: рус. *круглые, как пятаки, глаза*; *круглые, как монеты, глаза*; англ. *eyes as round as money* ‘глаза круглые, как монеты’; исп. *ojos redondos como monedas* ‘глаза круглые, как монеты’.

Наконец, степень прозрачности глаз чаще всего описывается через обращение к воде и водным пространствам: рус. *глаза мутные, как вода в придорожной луже*; англ. *eyes as limpid as tidal pools* ‘глаза прозрачные, как прибрежные водоемы’; исп. *ojos cenagosos como el fondo de un remanso* ‘глаза мутные, словно дно тихой заводи’. Следует отметить, что данный признак глаз также характеризуется через сравнение

со стеклом и другими материалами, которым свойственна та или иная степень прозрачности: рус. *хрустальные глаза*; исп. *ojos claros como el cristal purísimo* ‘глаза прозрачные, как чистейшее стекло’.

В процессе рассмотрения общих и национально-специфических черт метафорических дескрипций эмпирийных признаков глаз человека было обнаружено важное явление – распространение исходного признака в сторону более конкретных ассоциаций. Иными словами, часто бывает недостаточно говорить просто о голубом, черном или другом цвете глаз, их небольшом или большом размере, круглой или продолговатой форме и т. д. Стремление к уточнению приводит к разделению категорий на субкатегории. Исходная категория (например, категория черного цвета или круглой формы) в наиболее абстрактном и обобщенном виде может восприниматься как центральный прототипический случай – ядро категории цвета или формы. Однако языковая практика показывает, что носители исследуемых языков часто актуализируют не абстрактный цвет или форму, а их конкретные вариации, которые находят выражение в метафорах. Так, черный цвет глаз – это не просто абстрактный однородный признак, а сложная сеть связанных значений, в которой от ядра категории черного цвета отходят «лучи» (радиальные ответвления), конкретизирующие различные аспекты черноты. Русские метафоры *черные, как уголь, глаза и черные, как ежевика, глаза* характеризуют разные свойства: уголь может ассоциироваться с глубиной и густотой оттенка, с чем-то плотным и насыщенным, тогда как ежевика – с природной сочностью, мягкостью или даже вкусом, ароматом. Эти ассоциации создают субкатегории черного цвета, которые находятся в радиальной связи с центральным прототипом, выступающим наиболее абстрактным представлением о черном цвете. Аналогичное явление наблюдается при описании формы глаз. Взяв абстрактную прототипическую идею «круглости», носители языка могут уточнить ее, обращаясь к конкретным эталонам (*круглые, как пятаки, глаза; глаза круглые, как головки подсолнухов*). Каждый эталон позволяет взглянуть на эту категорию под новым углом зрения: пятаки могут подчеркивать блеск, четкий контур или правильную форму, а подсолнухи – большой размер, черный цвет. Подобная структура восходит к идее о радиальных категориях Дж. Лакоффа, согласно которой центральный случай порождает целый спектр вторичных, частных значений, мотивированных культурными, перцептивными и ассоциативными факторами [16].

Описанный выше подход показал, что метафорическая дескрипция глаз не только дополняет номинацию эмпирийных признаков, но и оформляет их как сложноорганизованные концептуальные структуры. Эти структуры нестатичны. Они динамически развиваются и укрепляются в коллективном языковом опыте, поддерживаемом фольклором, литературой, массовой культурой. Как писал Дж. Р. Тейлор, центральный прототип и периферийные субкатегории связаны между собой цепочками мотиваций (метафорических, метонимических, культурных) [17, р. 45].

В ходе анализа полной классификации денотативных областей и подобластей имен существительных в издании «Русский семантический словарь»⁴ было выявлено, что при описании глаз человека в рамках выбранных корпусов текстов ни разу не встречаются денотативные области «Населенные места, обрабатываемые участки местности; дороги», «Организации. Учреждения. Предприятия. Партии. Общества. Армия», а также денотативные подобласти «Грибы», «Продукты выделки и обработки», «Топливо», «Печатные издания. Рукописи. Полиграфия» и т. д. Данная ситуация объясняется следующими причинами:

- логико-семантическим несоответствием. Такие денотативные области и подобласти по своей природе абстрактны или связаны с социальными конструктами, которые не имеют визуального воплощения. Например, организация или предприятие не обладает свойствами, которые можно было бы легко соотнести с эмпирийными признаками глаз, такими как цвет, характер поверхности, размер, форма и т. д. Отсутствие визуальной и сенсорной аналогии делает эти денотативные области непригодными для описания глаз человека;

- перцептивным несоответствием. Носители языка не могут выявить общие эмпирийные признаки между глазами и принадлежащими к указанным выше денотативным областям и подобластям эталонами, несмотря на их конкретную, материальную природу;

- когнитивной выделенностью. Объекты материальной культуры чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Далеко не все из них используются в обиходе на ежедневной основе, их значительная часть знакома скорее специалистам в той или иной сфере, поэтому носители языка могут не обладать достаточными знаниями о них и их свойствах. В связи с этим некоторые подобласти, принадлежащие к денотативной области «Материальные продукты труда», не выступают источником эталонов в метафорическом описании глаз человека (например, подобласти «Отходы производственной обработки, выделки. Отбросы» и «Топливо»);

- культурной и эмоционально-эстетической значимостью. Ряд денотативных областей и подобластей не вызывают культурных и эмоциональных ассоциаций. Описание глаз через объекты инфраструктуры,

⁴Русский семантический словарь / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. 807 с. Т. 2. 762 с. Т. 3. 720 с.

социальные институты или некоторые абстрактные феномены не соответствует традиционным культурным представлениям о глазах как символе красоты и эмоциональной выразительности.

Несмотря на то что исследуемые языки характеризуются практически одинаковым набором денотативных областей, которые выступают в качестве источника эталонов сравнения в метафорическом описании глаз человека, корпусы дескрипций демонстрируют значительное разнообразие национально-специфических эталонов сравнения. В настоящем исследовании под национально-специфическим эталоном понимается культурно обусловленная образная модель, возникшая в рамках метафорического мышления конкретного языкового сообщества.

При метафорическом описании глаз носители русского языка активно обращаются к природным явлениям, характерным для территории с умеренным климатом (чернозему, сопкам, снегу, болоту): *Григорий Моисеевич взгляда не прятал, и к глазам цвета качественного чернозема примешалась искорка лукавства* (НКРЯ (Сухов Е. Е. Делу конец – сроку начало. 2007)); *У Дегтярева голубой глаз цвета дальних сопок* (НКРЯ (Фадеев А. А. Разлив. 1923)); – *Есть бессрочные секреты Родины, – буркнул чекист и вскинул, наконец, на профессора Левушкина-Александрова серые, как снег, глаза* (НКРЯ (Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // Октябрь. 2000–2002. № 5–6)). Также в корпусе встречаются примеры с упоминанием важных для русскоговорящих людей сельскохозяйственных культур (капусты, моркови, паслена, ржи): *Емельян Константинович успевал одеться к концу молитвы, выходил, щуря щелки капустных глаз...* (НКРЯ (Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 1. 1928–1940)); ...*блудливо веяли ее затуманившиеся глаза цвета увядшей моркови* (НКРЯ (Левин Б. Инеродное тело. 1965–1994)). В русских дескрипциях присутствуют указания на значимые или типичные дикие культуры (полынь, белену, березу, василек, незабудку): *Когда я думал о Паруше, всегда представлял ее могучей телом, с уверенно поднятой большой головой, с полынными глазами, в которых таились умная усмешка и мудрая соровость* (НКРЯ (Гладков Ф. В. Повесть о детстве. 1948)); *На инвалида пусто смотрели глаза цвета белены* (НКРЯ (Шапко В. М. Синдром веселья Плуготаренко // Волга. 2016. № 9–10)).

Среди животных, которые выбираются в качестве эталонов в метафорических дескрипциях, встречаются виды, хорошо известные представителям русской лингвокультуры (кролик, бобр, песец, сорока, судак): «*Как раз к твоим большим песцовым глазам!*» – прокричал из *Оттавы до Калуги* Антон Котельников (НКРЯ (Шапко В. М. Кошка, пущенная через порог // Волга. 2013. № 7–8)); *А как вас зовут? – спросила Тамара, обливая его горячим взглядом быстрых сорочьих глаз* (НКРЯ (Устинова Т. В. Большое зло и мелкие пакости. 2003)); *Бесцветные, словно у замороженного судака, глаза моргали от света потолочного плафона, который я включил* (НКРЯ (Скворцов В. Н. Каникулы вне закона. 2001)).

При описании глаз через эталоны материальной культуры встречаются эталоны, обозначающие предметы русского быта (луковицами, пятаком, пережженным йодом): *Лиши служители недоуменно взирают на него круглыми, как пятаки, глазами* (НКРЯ (Самсонов С. А. Аномалия Камлаева. 2006–2007)); *Наталья близко видела все те же пронзающие глаза цвета пережженного йода* (НКРЯ (Шапко В. М. Синдром веселья Плуготаренко // Волга. 2016. № 9–10)). Кроме того, зафиксированы дескрипции, в которых присутствуют эталоны сравнения, отражающие гастрономические реалии русскоязычной культурной среды (водка, крепкий чай, щи, студень, соленый лещ, сущеная таранка): *Вот Яшка Падучий – нищий с белыми водочными глазами* (НКРЯ (Паустовский К. Г. Книга о жизни. Далекие годы. 1946)); ...*все, что видели ее простонародные глаза цвета зеленых щей с томной капелькой желтого жира, она принимала с невозмутимостью зеркала...* (НКРЯ (Славникова О. А. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке // Октябрь. 2000–2001. № 6)); *Председатель Тоня выкатил глаза белые, как у сущеной таранки, и стал колотить по графину* (НКРЯ (Анчаров М. Л. Как птица Гаруда. 1989)).

В англоязычном корпусе примеров метафорических дескрипций обращает на себя внимание обилие описаний, которые основаны на сравнении с национально-специфическими эталонами, связанными с продуктами питания, блюдами и напитками (*single-malt scotch* ‘односолодовый скотч’, *ale* ‘эль’, *roasted squash* ‘запеченная тыква’, *whiskey* ‘виски’, *buttermilk* ‘пахта’, *mustard* ‘горчица’): *She had a narrow face angled with strong bones and deep, long eyes the color of single-malt scotch* ‘Она обладала узким лицом с выразительными скулами, глубокими длинными глазами цвета односолодового скотча’ (СОНА (Roberts N. Blue dahlia. 2005)); *June's ale-colored eyes with their little speckles dwelt on him thoughtfully* ‘Глаза Джун цвета темного эля задумчиво задержались на нем’ (СОНА (Smith T. Did she fall? 1930)); *She looks at me. Her eyes are the color of roasted squash* ‘Она смотрит на меня. Ее глаза напоминают цвет запеченной тыквы’ (СОНА (Tschirgi K. Shepherd's asylum. 2014)).

Носители английского языка часто обращаются к эталонам сравнения из сферы повседневного быта (*Crest gel toothpaste* ‘гелевая зубная паста «Крест»’, *jeans* ‘джинсы’, *blue workshirt* ‘синяя рабочая рубашка’, *pennies* ‘пенни’): ...*his eyes as blue as Crest gel toothpaste* ‘...его глаза синие, словно зубная паста «Крест»’ (СОНА (USA Today. Young love. 2003)); *He smiled and she noticed his lovely blue eyes*

the color of faded jeans ‘Он улыбнулся, и она заметила его прекрасные голубые глаза цвета выцветших джинсов’ (СОНА (Kobin J. Late dating. 2015)). Существенное место занимают сравнения с элементами американского спортивного (*basketball* ‘баскетбольный мяч’, *baseball* ‘бейсбольный мяч’) или денежного (*half dollars* ‘монеты в 50 центов’, *quarters* ‘четвертаки’) обихода, что говорит о культурной значимости таких реалий в английской лингвокультуре: *She crept closer, crouching low to the ground, her eyes as big as basketballs* ‘Она подкрадывалась все ближе, пригибаясь к земле, а глаза у нее были огромные, как баскетбольные мячи’ (СОНА (Hoffman N. K. Vinegar and cinnamon. 2017)); *She was a tall, thin woman in her mid-forties with a long face that had eyes as big as half dollars* ‘Она была высокой, стройной женщиной лет сорока, с небольшим вытянутым лицом, на котором выделялись глаза, большие, как пятидесятицентовые монеты’ (СОКА (Andrews V. C. All that Glitters. 1995)).

Эталонами сравнения из денотативной области «Животные» являются типичные для Британских островов или Северной Америки виды животных (*mink* ‘американская норка’, *polecat* ‘хорек’, *terrapin* ‘североамериканская пресноводная черепаха’): *Her eyes were the color of mink and her lips wet and open* ‘Ее глаза были цвета меха американской норки, а губы были влажными и приоткрытыми’ (СОНА (Gray F. P. World without end. 1981)); *His reddish terrapin eyes are merry tonight, for something pleases him* ‘Его красноватые черепашьи глаза сегодня веселы, поскольку что-то радует его’ (СОНА (Green P. E. Blue thunder. 1928)). Встречаются упоминания и экзотических видов животных (*moray* ‘мурена’, *peacock* ‘павлин’, *parrot* ‘попугай’, *panther* ‘пантера’), что может свидетельствовать о широте этнокультурной картины мира и многовековых культурных контактах англоязычного народа: *...a face shell-white and eyes as green as a moray* ‘...лицо ее было белоснежным, словно скорлупа, а глаза зелеными, как мурена’ (СОКА (de Jarnatt S. Her great blue. 2013)); *She had long pink-gold hair and eyes as blue as a peacock's neck* ‘У нее были длинные волосы розово-золотистого оттенка и глаза синие, как шея павлина’ (СОКА (O'Connor F. The life you save may be your own. 2001)).

Разнообразие эталонов, обозначающих ландшафт, также демонстрирует космополитизм английской лингвокультуры (*Hawaiian lagoon* ‘гавайская лагуна’, *Welsh tarm* ‘валлийское горное озеро’, *swamps of Maryland* ‘болота Мэриленда’, *the Caribbean* ‘Карибское море’): *No one in my family has thick straight brunette hair and eyes as blue as a Hawaiian lagoon* ‘Ни у кого в моей семье нет густых прямых каштановых волос и глаз синих, как гавайская лагуна’ (СОКА (Patton L. Yankee doodle dixie. 2011)); *Behind the mask, her eyes shone like the blue of the Caribbean, and her lips looked full and kissable* ‘За маской ее глаза сияли, как карibbeanская лазурь, а губы казались полными и приглашающими к поцелую’ (СОНА (Andre B. Take me. 2005)).

В качестве эталонов сравнения в английских дескрипциях выступают уникальные или типичные для Великобритании или Северной Америки растения (*bluebonnet* ‘техасский синий люпин (разновидность василька)’, *huckleberry* ‘черника облиственная’, *shamrocks* ‘трилистник’, *sloe* ‘терновая ягода’, *filbert* ‘американский лесной орех’): *...at birth Mary Delland and Lydia Dale were almost identical in appearance, sharing their mother's bluebonnet eyes and their father's full lips and blond hair* ‘...при рождении Мэри Делланд и Лидия Дейл были почти неотличимы друг от друга: обе унаследовали **васильковые** глаза матери, а также полные губы и светлые волосы отца’ (СОНА (Bostwick M. Between heaven and Texas. 2013)); *...he dropped on one knee very gracefully, and kissed first the gentleman's hand, and then mine; and his little huckleberry eyes twinkled* ‘...он грациозно опустился на одно колено, сначала поцеловал руку джентльмена, затем мою, а его **крошечные черничные** глаза весело сверкнули’ (СОНА (Fern F. Little ferns for Fanny's little friends. 1853)); *Bridget had hair as bright as copper, eyes as green as shamrocks, and a voice as musical as a babbling brook in spring* ‘У Бриджит были волосы яркие, как медь, **глаза зеленые, словно трилистник**, а голос мелодичный, как журчащий весной ручей’ (СОКА (Galloway N. T. The gift of blarney. 2000)).

В испанской лингвокультуре встречаются метафорические дескрипции с эталонами сравнения, обозначающими особенности латиноамериканского и средиземноморского сельского хозяйства (*aceituna* ‘оливка, маслина’, *frijolillos negros* ‘лимская фасоль’, *limonero* ‘лимонное дерево’): *...ojos de frijolillos negros, dientes de carne de coco con incrustaciones de esmeraldas* ‘...глаза цвета лимской фасоли и зубы из кокосовой мякоти, инкрустированные изумрудами’ (CdE (Asturias M. Maladrón: epopeya de los Andes Verdes. 1969)); *Su nariz cortante me apunta como una escopeta pero son sus ojos, del color de una hoja de limonero, los que me funden* ‘Ее острый нос нацелен на меня, словно дуло ружья, но именно ее **глаза цвета листвы лимонного дерева** разят меня наповал’ (CORPES XXI (Moreno L. Por si se va la luz. 2013)). Кроме того, присутствуют отсылки к напиткам и продуктам питания, характерным для испанского и латиноамериканского пространства (*brandy Espléndido Garvey* ‘бренды «Эсплендида Гарвей»’, *café batalla* ‘кофе «Баталья»’, *aguardiente* ‘агуардiente (крепкий анисовый спиртной напиток)’): *...el pelo rubio, igual que la paja a comienzos del verano, y los ojos del color del brandy Espléndido Garvey* ‘Светлые волосы, словно солома в начале лета, а глаза цвета бренди «Эсплендида Гарвей»’ (CORPES XXI (Vallvey Á.

Muerte entre poetas. 2008)); *Cosme era alto y con los ojos del color del aguardiente* ‘Косме был высоким, с глазами цвета крепкого анисового ликера’ (CNDHE (Elizondo Elizondo R. Setenta veces siete. 1987)).

Нередко испанские метафорические описания глаз базируются на их сравнении с эталоном, связанным с морем или побережьем (*Mediterráneo* ‘Средиземное море’, *mar Caribe* ‘Карибское море’, *mar de los cántabros* ‘Кантабрийское море (древнее название Бискайского залива)’), а также с тропическим или субтропическим ландшафтом (*selva* ‘сельва (тропический лес)’): *Algo no muy difícil para esta hermosa mujer de ojos color mediterráneo* ‘Ничто не слишком сложно для этой прекрасной женщины с глазами цвета Средиземного моря’ (CdE (Dacia Maraini, una militante activa contra la violencia de género. 2004)); *...tan solo se le escapó una lágrima desde sus ojos de color selva* ‘...из ее глаз цвета сельвы скользнула лишь одна слеза’ (CORPES XXI (Gonzalo G. La bruma verde. 2020)).

Следует отметить, что в испанском корпусе текстов присутствуют примеры дескрипций, в которых в качестве эталона востребованы виды животных, распространенные на территории испаноязычных регионов (*arañas capulinás* ‘паук капулина’, *cherne* ‘морской окунь, групер’, *mono* ‘обезьяна’): *La mujer se queda parada delante de él, tiene treinta años, nariz respingada y ojos negros como arañas capulinás* ‘Женщина замирает перед ним. Ей около тридцати, с чуть вздернутым носиком и глазами черными, как пауки капулины’ (CORPES XXI (Aridjis H. La zona del silencio. 2005)); *...dos obras del surrealista canario para quedar me, con los ojos abiertos como cherne, escaneando centímetro a centímetro los dos lienzos* ‘...две работы канарского сюрреалиста заставили меня замереть и, широко раскрыв глаза, словно групер, сканировать каждый сантиметр этих двух полотен’ (CdE (Domínguez O. Blog)).

По нашему мнению, важным итогом проведенного сопоставительного исследования выступает выявленная универсальность обращения к тем или иным эталонам при метафорическом описании глаз человека, которая обеспечивается общностью когнитивных механизмов, культурного и перцептивного опыта представителей различных лингвокультур. Вместе с тем каждое языковое сообщество при создании дескрипций часто опирается на свои традиции, образы, связанные с географическим положением, местной флорой и фауной, бытом, историей, гастрономией и фольклором. Иными словами, метафору можно рассматривать не только как один из важнейших механизмов мышления, но и как маркер культуры в языке. Таким образом, эталоны сравнения позволяют более детально описывать что-либо, а также фиксировать принадлежность человека к определенной культурной традиции.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Глаза выступают и объектом перцепции, и объектом культурного осмысления (через сопоставление с различными эталонами). Данный факт свидетельствует о том, что человеческое мышление не ограничивается буквальной передачей тех или иных признаков глаз, но активно выстраивает многомерные концептуальные структуры.

2. Вариативность частотности эмпирийных признаков в метафорическом описании глаз человека является следствием комплексного взаимодействия физиологического, перцептивного и аффективно-соматического факторов. Цвет, как наиболее заметный и легко идентифицируемый признак, занимает центральное место среди других эмпирийных признаков. Характер поверхности, размер, характер движения, форма и степень прозрачности часто ассоциируются с эмоциональным состоянием, состоянием здоровья или личностными характеристиками человека, что позволяет им выступать в качестве основания для сравнения при метафорическом описании глаз.

3. Во всех исследуемых языках доминируют природные эталоны с ярко выраженными и стабильными эмпирийными признаками, а также с богатыми культурными и эстетическими ассоциациями. В сравнении с ними материальные продукты труда менее востребованы в качестве эталонов при метафорическом описании глаз человека, поскольку их ассоциативный потенциал связан с их функцией. Абстрактные понятия встречаются еще реже, что отражает более сложный и интеллектуально затратный характер метафор с подобными эталонами.

4. Именно в радиальных отношениях между прототипическим признаком и его многочисленными вариациями ярко проявляется диалектика ядра и периферии в семантическом пространстве языка: центральное значение обрастает коннотациями и ассоциациями, порождая тем самым множество тесно связанных подзначений. Таким образом, метафоры служат средством дробления исходной категории на субкатегории, обеспечивая гибкость языка, необходимую для точного описания тех или иных элементов действительности.

5. При метафорическом описании глаз человека ряд денотативных областей («Населенные места, обрабатываемые участки местности; дороги», «Организации. Учреждения. Предприятия. Общества. Армия» и т. д.) и подобластей («Грибы», «Печатные издания. Рукописи. Полиграфия» и т. д.) отсутствуют

в качестве источника эталонов, что обусловлено логико-семантическим несоответствием (такие области и подобласти либо абстрактны, либо связаны с социальными конструктами, не имеющими прямого визуального воплощения), перцептивным несоответствием (невозможностью выявить общие эмпирийные признаки между глазами человека и определенным феноменом), когнитивной выделенностью (недостаточной осведомленностью носителей языка о свойствах и признаках некоторых объектов материальной культуры), а также культурной и эмоционально-эстетической значимостью (некоторые денотативные области и подобласти в значительной степени лишены культурных и эмоциональных ассоциаций, что существенно снижает их потенциал при метафорическом описании глаз человека).

6. Национально-культурная специфика в метафорических дескрипциях глаз человека проявляется в эталонах, отражающих важные или широко распространенные в определенной лингвокультуре реалии, природные и антропогенные объекты и явления, устои, традиции, культурные ценности. Выбор эталонов сравнения не только выполняет функцию детализации зрительного образа, но и маркирует принадлежность к определенной культурной традиции.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2025) ;
BNC – British national corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 18.02.2025) ;
COHA – Corpus of historical American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (date of access: 19.02.2025) ; **COCA** – Corpus of contemporary American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 18.02.2025) ; **CdE** – El corpus del español [Recurso electrónico]. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/> (fecha de acceso: 17.02.2025) ; **CNDHE** – Corpus del diccionario histórico de la lengua española [Recurso electrónico]. URL: <https://apps.rae.es/CNDHE/view/inicioExterno.view> (fecha de acceso: 17.02.2025) ; **CORPES XXI** – Corpus del español del siglo XXI [Recurso electrónico]. URL: <https://www.rae.es/corpes/> (fecha de acceso: 17.02.2025).

Библиографические ссылки

1. Селиверстова ЕИ. Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект. *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018;2:388–402. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402.
2. Крейдлин ГЕ. *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 592 с.
3. Шрамм АН. *Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета; 1979. 134 с.
4. Лакофф Дж, Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. Баранов АН, редактор; Баранов АН, Морозова АВ, переводчики. Москва: УРСС; 2004. 256 с.
5. Sperber D, Wilson D. A deflationary account of metaphors. In: Gibbs RWJ, editor. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. p. 84–105. DOI: 10.1017/CBO9781139028370.007.
6. Halliday MAK. *An introduction to functional grammar*. London: Edward Arnold; 2004. 689 p.
7. Kövecses Z. Conceptual metaphor theory: some criticisms and alternative proposals. *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 2008;1:168–184. DOI: 10.1075/arcl.6.08kov.
8. Kövecses Z. *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 314 p.
9. Pleyer M, Kuleshova S, Placiński M. Integrating approaches to the role of metaphor in the evolutionary dynamics of language. *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*. 2024;1:145–176. DOI: 10.1515/gcla-2024-0007.
10. Jaynes J. *The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind*. Boston: Houghton Mifflin Company; 1976. 512 p.
11. Lakoff G, Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books; 1999. 640 p.
12. Kövecses Z. *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2002. 285 p.
13. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Кибрик АЕ, редактор и переводчик. Москва: Прогресс; 1993. 656 с. (Филология мира).
14. Ивашкевич ИН. О синкетизме перцептивных признаков в семантике английского имени существительного. В: Козлова ЛА, Широкова НП, Москалюк ЛИ, Кожанов ДА, Беляева СВ, редакторы. *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Материалы II Международной научной конференции; 8–10 октября 2014 г.; Барнаул, Россия*. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия; 2014. с. 100–103.
15. Рахилина ЕВ. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва: Русские словари; 2000. 416 с.
16. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press; 1987. 614 p.
17. Taylor JR. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press; 1995. 328 p.

Статья поступила в редколлегию 30.05.2025.
Received by editorial board 30.05.2025.